

Ревность Петра Великого к правде

Трудно найти в истории другого такого монарха, который имел бы столько благородной простоты во нравах, чистосердечия в обхождении со всеми людьми, твердости в словах и правдивости в делах, одним словом, который бы во всех своих действиях столько был беспорочен, как Петр Великий. Все, что он сказывал, основывалось на истине, а что он обещал, — на твердом намерении исполнить обещанное. Простота и правда были правилами всех его поступков. Каков он сам был, таковыми быть желал и всем тем, с которыми имел дел. Он всегда досадовал на так называемые политические хитрости и обыкновенно говорил о них по-голландски: «*Dat benen niet met all Klugheden, maar Betrügeryen*» (т. е., что в них нет ни мало благоразумия, но только обманы). Кто однажды его обманул, тому он никогда уж более не верил; и для того не хотел иметь дела с некоторым государем, который отрекся исполнить данное обещание, отговариваясь разными вымышленными причинами; Петр Великий не хотел после принять новых его предложений и называл его трусом, на которого не можно было положиться²⁶. От подданных своих и служителей еще более требовал он совершенной правдивости в словах и поступках. Сему правдолюбивому монарху не было ненавистнее лжи. Он прощал самые важные проступки, заслуживавшие гнев его и наказание, когда только виноватый откровенно признавался во всех обстоятельствах, доведших его до проступка. Понеже всякий мог приходить к государю и доносить ему о своей нужде или жаловаться на сделанную ему обиду, то государь обыкновенно у всякого челобитчика спрашивал, смотря на него быстро, твердо ли он уверен в истине своих слов и в справедливости своей жалобы? Потом выслушивал его терпеливо и приказывал ему в назначенный день и час явиться в Сенат, в Адмиралтейство или в какую-нибудь коллегия, до которой дело касалось, исследовал оное снова и решал.

Если кто из придворных его служителей либо других окружавших его людей уличен был в неправде, то лишался всей его доверенности и впоследствии трудно уже ему было приобрести оную. В таком случае не можно было ничем иным оправдаться, как доказать, что неправда сказана по незнанию и без всякого умысла. Однако ж и тогда государь говорил ему с важным видом: «Если впредь захочешь что-нибудь мне сказать, то сперва самому тебе должно твердо в этом увериться». Если кто-нибудь в присутствии его отзывался худо о другом человеке, то государь

сперва слушал то со вниманием, но после, вступя в разговоры, обыкновенно спрашивал: «Рассматривал ли ты его также и с хорошей стороны? Скажи же мне теперь, что ты в нем доброго приметил?»